

Елена Константинова

Как известно, первая дача Корнея Ивановича в Куоккале после отъезда 1917 года Чуковских в Петербург весной 1917 года оказалась разгромленной. «И многое множество брошюр... с сокрушенным сердцем видел я, — писал летом 1923 года из Куоккалы Корнею Ивановичу Репин, — ... в растерзанном виде, на полу, со следами от всех грязных подошв валенок, среди ободранных роскошных диванов, где мы так интересно и уютно проводили время за слушанием интереснейших докладов и горячих речей талантливой литературы, разгоравшейся красным огнем свободы. Да, да, помест образовался на полях в библиотеке из дорогих редких изданий и рукописей, и под этим толстым слоем нестерпимо лопались, трепали стекла». В связи с этим вспоминаются и слова Лидии Корнеевны из книги «Памяти детства»: «... человек, в особенности если он — личность, запечатлен в своих вещах: дом, созданный им, — это тоже он, тоже его подобие; маска, слепок, но не с мертвого лица, а с живого, работающей души... Вещи — они, как губка воду, имеют способность впитывать и хранить ушедшее время. Утрата вещей была для него (Чуковского. — Е. К.) утратой любимого времени, в них запечатленного». Елена Цезаревна, у вас нет опасений, что дом Чуковского в Перedelкино ожидает подобная участь?

— Судьба этих двух домов разная. До революции совсем молодым — Корнею Ивановичу было чуть больше двадцати — он жил в финской деревне Куоккале просто потому, что снимать квартиру в Петербурге оказалось не по средствам. Сначала жил у дачевладельца Павла Семеновича Анненкова, а потом Илья Ефимович Репин купил ему дом недалеко от своих «Пенатов». Этот дом, в отличие от перedelкинского, никогда музеем не был. Правда, в 70-е годы дирекция «Пенатов» делала попытки получить дачу Чуковского в свою собственность, с тем чтобы устроить в ней музей «Русские писатели на Карельском перешейке». Ведь в куоккальском доме бывали Леонид Андреев, Гумилев, Ахматова, Маяковский, Хлебников, Городецкий, Шкловский, Ремизов, Сологуб, Мандельштам — цвет тогдашней литературы. На знаменитые репинские «среды», на «воскресенья» к Чуковскому, а иногда и в другие дни недели съезжались писатели, поэты, артисты, художники. В общем, этот дом многих помнил... Здесь, в Куоккале, началась и «Чукоккала», и «Костры», и детские спектакли. Здесь же в 1915—1916 гг. написан был «Крокодил» — первая детская книга Корнея Ивановича, здесь начались и другие труды, разросшиеся затем в книги: «Чехов», «Рассказы о Некрасове», «Современники», не говоря уже о том, что именно куоккальские годы — начало всех его дальнейших некрасовских текстологических и ком-

ментаторских поисков. «Там, — как написала Лидия Корнеевна, — он обрел свою духовную родину».

Там вот, как мне рассказывала Елена Григорьевна Левенфиш — директор «Пенатов» в 70-е годы, дом Чуковского обкомовские власти не отдали, мотивировав свой отказ тем, что Корней Иванович помогал антисоветчику Солженицыну. И дом пустовал. Пока не сгорел.

Судьба перedelкинского дома иная. Корней Иванович прожил в нем около тридцати последних своих лет. Там стояла вся его обширная библиотека — более пяти тысяч томов; там были написаны его поздние работы; туда приезжали к нему множество людей, которые навсегда запомнили его в этих стенах. После кончины Корнея Ивановича дом по-прежнему был полон. Посетители самые разнообразные: библиотекари, учителя, студенты, дети... Со всех концов света. Люди просили показать кабинет, в котором работал Чуковский. Так постепенно, как само собой разумеющееся, возник музей, мы, жившие в этом доме, превратились в экскурсоводов, у нас появились добровольные помощники, установились дни и часы приема экскурсий. По словам профессиональных музейных работников, дом Чуковского оказался одним из самых богатых литературных музеев страны — все экспонаты в нем были подлинны и все в комнатах сохранялось в том же виде, как и при Корнее Ивановиче. (В настоящее время часть экспозиции — в доме-музее Пастернака в Перedelкино; что-то — в музее Цветаевой в Борисоглебском переулке и Литературном музее.) Картины Репина, Коровина, Грабаря, Ю. Анненкова, рисунки Маяковского, Репина, Бориса Григорьева, Чехонина, Добужинского, редкие фотографии, в том числе репродукции портрета К. Чуковского работы Репина с его дарственной надписью, карикатуры, гравюры времен Некрасова... Книги с автографами Ходасевича, Розанова, Пастернака, Ахматовой, Зощенко, Маршала. Всех не перечислишь... Все, что стояло на книжных полках и висело на стенах, позволяло рассказать не только о Корнее Ивановиче, но и о его эпохе, о многом и обо многом.

Иными словами, в 70—80-е годы нашего века, когда во все поры общественной жизни, как сказал Антон Павлович Чехов примерно о тех же годах прошлого века, проникал «сволочной дух», отравляющий и без того затхлую вследствие правительственной реакции атмосферу, дом Чуковского был той самой живой водой...

— Возможно... Наши экскурсии, как я уже отметила, не были только рассказом о самом Чуковском. Мы не старались внушить посетителям, как сам он говаривал по разным поводам, что «чужден Чуковский при тихой погоде»... Достаточно было, например, снять с полки «Страну Муравью» Твардовского, куда своей рукой Александр Трифонович вписал строфы, вымаранные из книги цензурой, чтобы очень многое узнать и об этом авторе, и о том, что связано с его именем, о времени.

И, очевидно, не случайно у посетителей, как они говорили, создавалось впечатление присутствия в доме Корнея Ивановича — будто он только что вышел и с минуты на минуту войдет в комнату...

— Елена Цезаревна, на каких правах семья Чуковских занимала дом в Перedelкино после смерти Корнея Ивановича?

— На птичьих. В этом и заключены истоки его сегодняшней разрухи. Как известно, поселок Перedelкино был построен специально для писателей по инициативе Горького в 1935 году. Предполагалось, что дачи будут кооперативными, но затем — передумали, и Литфонд стал сдавать дома в аренду. В случае смерти писателя его семья должна была освободить это ведомственное помещение через два года. Но поскольку в то время Лидия Корнеевна еще числилась в Союзе писателей, нас не трогали. С января 1974 года, после ее исключения из Союза писателей, занимать этот дом, с точки зрения власти предрешавших, никаких оснований у нас не было. То, что дом функционировал как музей — а это не есть мое личное утверждение, тому свидетельство тринадцать толстых книг отзывов посетителей с просьбами сохранить его для будущих поколений, — никого не интересовало. «Если вы у кого-то в долг взяли шубу, то по первому же требованию хозяйна обязаны ее вернуть, — растолковывали мне. — Так же и этот дом. Он — не ваш. Выезжайте!» И Литфонд не мешкая начал судебный процесс.

— Какой это был год?

— ... очень интересный, 1982-й. Для Корнея Ивановича — юбилейный. Была организована комиссия по празднованию 100-летия со дня рождения Чуковского под председательством Сергея Владимировича Михалкова. И тут пришла повесть...

дом. Десятилетия борьбы... Я могу показать вам гору повесток о выселении, угрожающих записок милиции. Этот бесконечный судебный процесс съедал массу времени, сил, нервов, бумаги, в конце концов...

— Так к сегодняшнему дню определился хозяин дома Чуковского в Перedelкино?

— В 1989 году, встав во главе Фонда культуры, Дмитрий Сергеевич Лихачев, неотступно сражавшийся за дома-музеи Пастернака и Чуковского в Перedelкино (дом Бориса Леонидовича Пастернака Литфондом был вообще разгромлен на протяжении многолетней тяжбы), первым делом прекратил эти позорные суды. Музей Чуковского был снова взят под охрану государства и передан в аренду Фонду культуры. Фонд выделил средства на его капитальный ремонт. Казалось бы, конфликт исчерпан, можно, наконец, душой отдохнуть. Но не буду утомлять подробным изложением последующих событий. Скажу кратко: условия договора предусматривали вовлечение в строительные работы двух сторон — Фонда культуры и Литфонда. Литфонд от начавшегося ремонта самоустранился, а в самом Фонде культуры к этому времени произошли отнюдь не отрадные перемены — конфликт Лихачева со своими заместителями. Прибавьте к тому начавшуюся в стране инфляция и прочее. Дом Чуковского оказался сбоку припекой. Строители, начав ремонт и разгромив дом и участок, внезапно прекратили работу. В довершение всего пострадало то, что было более или менее цело...

— И что с домом теперь?

— Отношение

это прежде всего литературный критик, публицист, переводчик, текстолог, мемуарист, исследователь детского творчества, детской психологии, наконец. Насколько востребовано его литературное наследие?

— На этот вопрос отвечу на правах человека, которому Корней Иванович завещал свой архив, свое авторское право с такими словами: «Уверен, что она поступит по совести со всем оставшимся имуществом». Стараюсь поступить «по совести», я пыталась обнародовать ту часть архива, которая казалась мне общезначимой.

Чуковский начинал как газетчик, ничего не писал в стол. Это необходимо подчеркнуть. Что же из неопубликованного осталось после его смерти в 1969 году? Дневник, который он вел всю жизнь, «Чукоккала» и колоссальный архив — письма Блока, Репина, Волошина, Горького, Гумилева, Бунина, Ходасевича, Зощенко и т. д. Однако в силу тех причин, о которых я уже говорила, Корнею Ивановичу в нашей стране действительно было отведено лишь место сказочника. Даже книга «От двух до пяти» из-за того, что там была глава о борьбе с чуковщиной, после его смерти долго не переиздавалась — вышла лишь в середине 80-х в детгизовской «Библиотеке мировой литературы». Аналогичная картина — с публикацией дневника. Во-первых, там всюду упоминалась Лидия Корнеевна. Во-вторых, до 1988 года целые списки имен у нас были под запретом — Гумилев, Ходасевич, Замiatин, Пильняк, Пастернак.

В 1972 году я подготовила заявку для издания «Чуковского» тома «Литературного наследия». Туда должен был войти дневник, письма, воспоминания, «чужие рукописи», сохранившиеся в его архиве. Но, хотя там работали друзья Чуковского, максимально ему сочувствующие — Сергей Александрович Макашин и Илья Самойлович Зильберштейн, эта заявка оказалась тогда обреченной на неудачу...

Что же в конце концов увидело свет? За двадцать с лишним лет вышла — в обстриженном виде — «Чукоккала» (М.: Искусство, 1979); первый том дневника, 1901—1929 (М.: Сов. писатель, 1991) — сейчас мыкаюсь с изданием второго тома. Промелькнули в печати какие-то отдельные письма — но, в общем, вся переписка Чуковского

го остается поныне неизвестной читателю. Удалось выпустить том его критических статей (Б-ка «Огонек», М.: 1990, т. 2). Статьи Чуковского о детской литературе, разбросанные по газетам и журналам, в которых Корней Иванович очень много внимания уделял преподаванию литературы в школах, так и не удалось издать в виде сборника.

Вы спрашиваете, где архив Чуковского? Большая его часть — в Российской государственной библиотеке.

— Подверглись ли книги Корнея Ивановича пиратским нападением издателей?

— На имени Чуковского нажимают сплошь и рядом. Не однажды я выступала в прессе с призывом к издателям, выпускающим незаконно какую-либо книгу Чуковского или его перевод (пересказ) для детей, — связаться с моими юридическими представителями, заключить договор, выплатить гонорар, который был бы направлен на ремонт музея Чуковского в Перedelкино.

Часто книги издаются на низком профессиональном и полиграфическом уровне. Иногда без имени Чуковского как автора или переводчика. Или вообще под другой фамилией! С трудом привыкаю к современным иллюстраторам. Я привержена первым иллюстраторам его книг — Анненкову, Добужинскому, Ре-ми, Конашевичу, Рудякову, Раллову, Ротову, Сутееву. Сам Корней Иванович любил рисунки предметные. Такие, по которым ребенок мог бы рассказать о том, о чем написаны стихи. Он был противником жестокости в детской книге. Скажем, Чуковский всегда просил художников не изображать Бармалея страшным — к сожалению, это пожелание Корнея Ивановича забывают нынешние иллюстраторы. Иногда просто тошно брать в руки книжку. Мне не нравится американизация наших современных рисунков в детских книжках, многочисленные заимствования у Диснея. Чуковский любил русскую фольклорную традицию — особенно ему нравились рисунки Юрия Васнецова, который иллюстрировал и «Красную шапку», и «Путаницу», и «Пятачок поросят». В современных иллюстрациях к сказкам Чуковского меня раздражает эклектичность. Нередко всю книжку можно разложить «по художнику». Например, акула срисована у Ротова, горилла — у Конашевича. Причем все — в значительно ухудшенном варианте.

Раритеты

Елена Чуковская: Приезжаю в Перedelкино на час и месяц потом болею

Собесед. — 1994. — 12 авг. — с. 9

ДАЧА ЧУКОВСКОГО В ПЕРЕДЕЛКИНО

в суд. Я решила послать Михалкову телеграмму. На телеграфе были скверные перьевые ручки, которые так скребли бумагу, что оставляли небообразимую грязь. «Дорогой Сергей Владимирович! — царапала я. — Ставлю Вас в известность, что дом Корнея Ивановича Чуковского в Перedelкино, работающий как музей и хранящий тысячи книг, среди которых есть и Ваши с дарственными надписями, сейчас будет уничтожен в результате судебного дела, начатого Союзом писателей». Протягиваю исписанный бланк в окошко телеграфистке. «Невозможно!» — восклицает она. Подумав, что ее недовольство относится к моему чернильному письму, мысленно приоткрыла отражать удар: сам, мол, виноват, это от ваших безобразных ручек такие чернильные кляксы. И вдруг слышу: «Неужели замахнулись на нашу святыню? Но вы не волнуйтесь! Сергей Владимирович поможет». Однако вопреки ее ожиданиям Михалков ничего, чтобы помешать суду, не сделал.

— То есть отписки не было?

— Ответ был достаточно своеобразен. В духе времени. На вечер памяти Чуковского в Союзе писателей, который вел Сергей Владимирович Михалков, ни Лидию Корнеевну, ни меня просто не пригласили. Между тем 100-летие Корнея Ивановича праздновалось довольно заметно: мы участвовали в вечер в музее-квартире Блока, ЦДРИ, ВТО. Но граница между нами и Союзом писателей была проложена четко.

В результате мы оказались под су-

власть предрешавших повернулось, по сравнению с упомянутыми годами борьбы на 180 градусов. Министр культуры России Евгений Сидоров по собственной инициативе выразил готовность помочь дому Чуковского, издал приказ о создании в его стенах филиала Государственного литературного музея. Целесообразность этого решения активно поддержана директором Государственного литературного музея Натальей Владимировной Шаталовой. Но ведь, кроме благих желаний, необходимы и конкретные действия! Нужны деньги на ремонт, стройматериалы, строители. Со всем этим, увы, туго... Денег на культуру в государственной казне нет. Недавно я была в Перedelкино. Черный сарай, прогнившие балконы, крошашийся сусы. Чудовищная картина... С ужасом приезжаю туда на час раз в полгода и болею потом месяц...

— А как обстоит дело с детской библиотекой в Перedelкино, которая, как стремились к тому Корней Иванович, объединила бы писателей, артистов, художников, детей и книгу?

— Корней Иванович подарил эту библиотеку поселковому Совету. Она стала общественной, казенной, со всеми вытекающими отсюда последствиями... Ни разу, приезжая в Перedelкино, не видела ее открытой. Может быть, мне просто не везло...

— В представлении большинства Чуковский остается лишь добрым сказочником — «дедушкой Корнеем». Однако доктор Оксфордского университета Корней Иванович Чуковский —

ментаторских поисков. «Там, — как написала Лидия Корнеевна, — он обрел свою духовную родину».

Там вот, как мне рассказывала Елена Григорьевна Левенфиш — директор «Пенатов» в 70-е годы, дом Чуковского обкомовские власти не отдали, мотивировав свой отказ тем, что Корней Иванович помогал антисоветчику Солженицыну. И дом пустовал. Пока не сгорел.

Судьба перedelкинского дома иная. Корней Иванович прожил в нем около тридцати последних своих лет. Там стояла вся его обширная библиотека — более пяти тысяч томов; там были написаны его поздние работы; туда приезжали к нему множество людей, которые навсегда запомнили его в этих стенах. После кончины Корнея Ивановича дом по-прежнему был полон. Посетители самые разнообразные: библиотекари, учителя, студенты, дети... Со всех концов света. Люди просили показать кабинет, в котором работал Чуковский. Так постепенно, как само собой разумеющееся, возник музей, мы, жившие в этом доме, превратились в экскурсоводов, у нас появились добровольные помощники, установились дни и часы приема экскурсий. По словам профессиональных музейных работников, дом Чуковского оказался одним из самых богатых литературных музеев страны — все экспонаты в нем были подлинны и все в комнатах сохранялось в том же виде, как и при Корнее Ивановиче. (В настоящее время часть экспозиции — в доме-музее Пастернака в Перedelкино; что-то — в музее Цветаевой в Борисоглебском переулке и Литературном музее.) Картины Репина, Коровина, Грабаря, Ю. Анненкова, рисунки Маяковского, Репина, Бориса Григорьева, Чехонина, Добужинского, редкие фотографии, в том числе репродукции портрета К. Чуковского работы Репина с его дарственной надписью, карикатуры, гравюры времен Некрасова... Книги с автографами Ходасевича, Розанова, Пастернака, Ахматовой, Зощенко, Маршала. Всех не перечислишь... Все, что стояло на книжных полках и висело на стенах, позволяло рассказать не только о Корнее Ивановиче, но и о его эпохе, о многом и обо многом.

Иными словами, в 70—80-е годы нашего века, когда во все поры общественной жизни, как сказал Антон Павлович Чехов примерно о тех же годах прошлого века, проникал «сволочной